ЭКОНОМИКА И ПРАВО 2019. Т. 29, вып. 4

УДК 343

Т.З. Зинатуллин

ОСНОВНОЙ ВОПРОС УГОЛОВНОГО ДЕЛА: СОДЕРЖАНИЕ, РАЗРЕШЕНИЕ

Разделяя мнение академика В.Н. Кудрявцева и известного криминолога профессора В.В. Лунеева о том, что преступность является неизбежным продуктом социума, которую современное человеческое общество может лишь удерживать на социально терпимом уровне, автор статьи исходит из того, что такое удержание требует наличия определенных социально-экономических средств. На основе анализа правовой доктрины, уголовного и уголовно-процессуального законодательства и правоприменительной практики делается вывод о том, что предметом разрешения уголовного дела по своему существу является лишь сформулированное по делу обвинение в своем материально-правовом содержании. Такое разрешение возможно только по делам, по которым расследование осуществлялось в форме предварительного следствия, а также в условиях реализации уголовно-процессуальной функции осуществления правосудия в судах первой, апелляционной, кассационной и надзорной инстанциях.

Ключевые слова: вопрос, разрешение, обвинение, следствие, судебное разбирательство, правосудие.

DOI: 10.35634/2412-9593-2019-29-4-495-500

Сегодня практически уже никто не утверждает, что преступность есть «исторически преходящее социальное явление», которое якобы при достижении определенных успехов в экономике и социально-культурной жизни общества «будет преодолено и сведено до уровня эксцессов»[1]. Глубокий научный анализ этого социального явления, причин его возникновения и существования, механизмов связей с породившим его обществом привел академика В.Н. Кудрявцева к неутешительному, но, как мы считаем, объективному выводу о неистребимости преступности, а значит, и вечности этого негативного социального явления[2]. Но социум не может нормально существовать и, тем более, развиваться, не ведя борьбы с преступностью. Эта борьба ведется в рамках правоохранительной функции государства и требует значительных экономических и социальных затрат, а зачастую наносит серьезный вред жизни и здоровью людей, их правам и свободам. Вот почему обеспечение неотвратимости соразмерной содеянному уголовной ответственности за каждое преступление во все времена было и остается важнейшим средством в борьбе с названным социальным злом. Ярчайшие свидетельства сказанному мы находим в Библии (Коране, Талмуде), в трудах итальянского ученого Чезаре Беккариа, А.А. Пионтковского, В.С. Балакшина и других[3].

В свое время известный ученый-процессуалист Я.О. Мотовиловкер одно из своих монографических исследований начинал с указания на то, что «основным вопросом уголовного дела является вопрос об уголовной ответственности за вменяемое лицу деяние»[4]. При этом под уголовной ответственностью он подразумевал «ответственность в материальном смысле, т.е. ту ответственность, которой обвиняемый подлежит, если будет установлено, что он действительно виновен в совершении преступления»[5]. В приведенном определении внимание акцентируется, как видим, на основании уголовной ответственности, каковой согласно ст. 8 УК РФ, является «совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренные настоящим кодексом» (Уголовным кодексом РФ 1996 г. – *Т.З.*).

---

[1] Юридический энциклопедический словарь. М., 1984. С. 294.

[2] См.: Кудрявцева В.Н. Стратегия борьбы с преступностью. М., 2003. С. 12; Лунеев В.В. Преступность XX века. М., 1997. С. XV–XVI.

[3] Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М., 1939. С. 308-309; Ленин В.И. Случайные заметки // Полн. собр. соч. Т. 4. С. 412; Пионтковский А.А. Учение о преступлении по советскому уголовному праву. М.: Изд. юрид. литер., 1961; Азаров В.А. Процессуальные средства обеспечения неотвратимости уголовной ответственности на постсоветском пространстве // Состояние и перспективы развития юридической науки: материалы междунар. науч.-практ. конф. Ижевск, 2006. С. 10-18.

[4] Мотовиловкер Я.О. Основной вопрос уголовного дела и его компоненты. Воронеж, 1984. С. 7; Володина Л.М. Проблемы уголовного процесса: закон, теория, практика. М., 2006. С. 187.

[5] Мотовиловкер Я.О. Указ соч. С. 10.

Что касается уголовной ответственности «в материальном смысле», то она выражается в обязанности нести тяжесть обвинения, а впоследствии и осуждения в виде конкретных мер уголовного наказания[6], каждое из которых содержит в себе лишения личного, материального или морального характера. При этом, если обусловленные уголовным наказанием лишения возможны лишь по приговору суда, то обязанности нести тяжесть от появившегося в отношении лица, совершившего преступление, подозрения, а впоследствии и обвинения возникает с момента наделения такого лица процессуальным статусом, соответственно, подозреваемого или обвиняемого как участников уголовного судопроизводства (ч. 1 ст. 46, ч. 1 ст. 47 УПК РФ).

Доказывание того факта, что совершившее преступление лицо должно понести заслуженную им уголовную ответственность, возможно лишь посредством урегулированной УПК РФ уголовно-процессуальной деятельности по возбуждению, расследованию, рассмотрению и разрешению уголовных дел. Будучи связанными с поставленными перед уголовным судопроизводством задачами (уголовно-процессуальная деятельность в своей совокупности и есть то, что именуется уголовным процессом, уголовным судопроизводством), основные направления такой деятельности его участников по достижению сформулированного в ст. 6 УПК РФ назначения и есть не что иное, как уголовно-процессуальные функции [7].

Проблема уголовно-процессуальной функций и в наше время остается весьма сложной и дискуссионной. Законодатель, преодолев имевшее место нигилистическое отношение к ней[8], счел необходимым закрепить в ч. 2 ст. 15 УПК РФ наличие в российском уголовном судопроизводстве функций обвинения, защиты и разрешения уголовного дела. Будучи взаимообусловленными и взаимосвязанными, названные функции характеризуют отдельные аспекты уголовно-процессуальной деятельности. При этом, если первые две функции отражают, прежде всего, направление процессуальной деятельности участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения и защиты, то относительно функции, названной законодателем «разрешение уголовного дела», в вопросах о том, кто и как ее осуществляет, ясности не существует. Нет и должной трактовки такой функции в ст. 5 УПК РФ, посвященной разъяснению основных понятий, используемых в УПК РФ. В силу сказанного, а также того, что законодатель обошел вниманием, как нам представляется, еще и другие уголовно-процессуальные функции (в их числе, в частности, и функция осуществления правосудия), вопросы об уголовно-процессуальных функциях, их видах, содержании и назначении в теории и практике уголовного судопроизводства продолжают оставаться и сегодня остро дискуссионными.

Не подвергая обстоятельному анализу названную проблему, считаем, что разновидностей уголовно-процессуальных функций значительно больше, чем указано законодателем в ч. 2 ст. 15 УПК РФ[9]. С учетом непосредственного отношения к вопросу об уголовной ответственности лица за виновно совершенное им преступление в дальнейшем изложении выясним, возможно ли решение основного вопроса уголовного дела в рамках уголовно-процессуальной функции, названной законодателем «разрешение уголовного дела».

Прежде всего, отметим, что уголовное дело как правовое явление появляется лишь в результате вынесения постановления о его возбуждении (ст. 146-147 УПК РФ). Отказ в возбуждении уголовного дела (ст. 148 УПК РФ) есть свидетельство отсутствия в сообщении о преступлении неотъемлемых его признаков, закрепленных в ст. 14 УК РФ. Если нет уголовного дела, то не возникает и вопроса о необходимости его разрешения. Наличие возбужденного производством уголовного дела вызывает необходимость установления лиц, в отношении которых должно осуществляться уголовное преследование в понимании, определенном п. 55 ст. 5 УПК РФ. В качестве таких лиц могут выступить лишь те, кто имеет процессуальный статус подозреваемого или обвиняемого (ст. 46-47 УПК РФ). Факт наделения лица процессуальным статусом подозреваемого или обвиняемого должно осуществляться всегда специальным актом, обладающим государственно-властными свойствами, в силу которых только и возможно ограничение неотчуждаемых прав и свобод гражданина (ч. 2 ст. 17 Конституции РФ). В качестве такого акта во всех случаях должен выступать документ – постановление (п. 25 ст. 5

[6] Зинатуллин З.З., Зинатуллин Т.З. Общие проблемы обвинения и защиты по уголовным делам. Ижевск, 1997. С. 6.
[7] См.: Фаткуллин Н.М. Обвинение и судебный приговор. Казань, 1965. С. 60; Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. М., 1968. Т. 1. С. 188.
[8] См.: Чельцов М.А. Советский уголовный процесс. М., 1962. С. 72-73.
[9] Об этом см.: Зинатуллин Т.З. Иерархия функций российского уголовного процесса // Научные труды Российской Академии юридических наук. Вып. 1, т. 2. М., 2001. С. 102-105.

УПК РФ). Процессуальный статус обвиняемого лицо получает на основе вынесенного в соответствии со ст. 171 УПК РФ постановления о привлечении в качестве обвиняемого. Что касается подозреваемого, то по совершенно необъяснимой причине наш законодатель пошел по пути наделения лица процессуальным статусом подозреваемого на основе протокола задержания (ст. 92 УПК РФ), а в случаях расследования уголовного дела в форме дознания – уведомления о подозрении в совершении преступления (ст. 223.1 УПК РФ), документа, который в силу отсутствия в нем указания на порождающие негативные правовые последствия игнорирования такого уведомления, не может быть отнесен к категории юридических (правовых) актов. Отсутствие надлежащего правового акта в виде постановления о привлечении в качестве подозреваемого есть свидетельство того, что расследуемое в форме дознания уголовное дело разрешить по своему существу посредством прекращения по нему уголовно-процессуального производства просто невозможно[10]. В силу ст. 5 УК РФ уголовной ответственности подлежит лишь виновное в совершение преступления лицо. Обвинение же в совершении преступления по уголовным делам, по которым предварительное расследование производится в форме дознания формулируется лишь в завершающих расследование обвинительном акте (ст. 225 УПК РФ), либо в обвинительном постановлении (ст. 226.7 УПК РФ). Получение ответа на вопрос о виновности (невиновности) обвиняемого в совершении преступления переносится в таких случаях в судебные стадии производства по уголовным делам.

Разрешение уголовного дела по существу в досудебных стадиях уголовного судопроизводства с констатацией невиновности обвиняемого в инкриминированном преступлении посредством вынесения постановления о прекращении уголовного дела может иметь место только по делам, по которым расследование проводилось в форме предварительного следствия.

Вследствие того, что решение вопроса о виновности (невиновности) подсудимого в инкриминированном преступлении может быть основано только на исследованных в процессе судебного разбирательства доказательствах, невозможен и ответ на основной вопрос уголовного дела в стадии уголовного процесса, названной законодателем как подготовка к судебному заседанию (глава 33 УПК РФ). Из-за отсутствия в названной стадии уголовного судопроизводства действий, связанных с исследованием доказательств, судья не имеет права принимать решение о прекращении производства по уголовному делу и тем самым разрешать уголовные дела по своему существу.

В полной мере соответствующий требованиям законности, обоснованности и справедливости ответ на вопрос о виновности (невиновности) подсудимого в инкриминируемом преступлении может быть получен лишь в результате проведенного в установленном гл. 36-39 УПК РФ порядке судебного разбирательства по уголовному делу, что и составляет содержание всей процессуальной деятельности по осуществлению правосудия.

Являясь составной частью функции разрешения уголовного дела, закрепленной в ст. 15 УПК РФ, уголовно-процессуальная функция осуществления правосудия, понимаемая как процессуальная деятельность суда по разрешению сформулированного по уголовному делу обвинения по своему существу[11], связывается только с необходимостью решения основного вопроса уголовного судопроизводства об уголовной ответственности подсудимого за инкриминированное ему преступление.

Именно посредством реализации уголовно-процессуальной функции осуществления правосудия судебная власть как одна из ветвей реализации государственной власти и выполняет предназначение, закрепленное ст. 118 Конституции РФ. В зависимости от полученного в результате судебного разбирательства ответа на вопрос о виновности (невиновности) подсудимого во вмененном ему в вину преступлении судом первой инстанции и постановляется судебный приговор (обвинительный или оправдательный), который и является актом правосудия по уголовным делам. Ни в каком ином процессуальном решении, принятом как в досудебных стадиях уголовного судопроизводства, так и в стадии подготовки дела к судебному разбирательству, акта правосудия нет.

В соответствии с ч. 1 ст. 297 УПК РФ судебный приговор должен отвечать требованиям законности, обоснованности и справедливости.

Законность есть не что иное, как «господство закона в общественной жизни»[12], отражение естественно-правовых начал в жизни социума. В качестве одной из форм проявления законности выступает

[10] Обоснование необходимости такого акта см: Муравьев К.В. Оптимизация процессуальной формы применения уголовного закона. М., 2019. С. 194-199, 261.
[11] Абашева Ф.А., Зинатуллин Т.З. Функциональная характеристика современного российского уголовного процесса. М., 2008. С. 19.
[12] Самошенко И.С. Охрана режима законности советским государством. М.: Госюриздат, 1960.

закрепленный в ст. 7 УПК РФ принцип законности при производстве по уголовному делу. Применительно к реализации функции осуществления правосудия по уголовным делам принцип законности включает в себя, в частности, следующее: а) приговор должен постановляться только полномочным составом суда в полном соответствии с правилами подсудности уголовных дел и в установленные уголовно-процессуальным законом сроки и б) по своей форме и содержанию приговор должен полностью соответствовать всему тому, что закреплено относительно приговора суда в главе 39 УПК РФ.

Требование законности судебного приговора ограничено связано с требованием его обоснованности. Главное в требовании обоснованности приговора заключается в том, чтобы сформированные в нем выводы о подлежащих доказыванию по уголовному делу обстоятельствах, включая и ответ на вопрос о виновности (невиновности) подсудимого в инкриминированном преступлении, основывались на исследованных в процессе проведенного судом судебного следствия по конкретному уголовному делу доказательствах, получивших свою надлежащую оценку судом при постановлении приговора.

Если совокупность таких доказательств приводит суд к однозначному выводу о виновности подсудимого в инкриминированном преступлении, – постановляется обвинительный приговор. Если же совокупность исследованных судом доказательств приводит к выводу об отсутствии самого события преступления либо не причастности подсудимого к совершению преступления или к тому, что в деянии подсудимого отсутствует инкриминированный состав преступления (ч. 2 ст. 302 УПК РФ) суд постановляет оправдательный приговор.

В связи с установлением особого порядка судебного разбирательства при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением и при заключении с обвиняемым досудебного соглашения о сотрудничестве (гл. 40 и 40.1 УПК РФ), в процессе которого, как закреплено в ч. 5 ст. 316 УПК РФ, «судья не проводит в общем порядке исследование и оценку доказательств, собранных по уголовному делу», возникает вопрос о соответствии постановляемого при этом приговора суда требованию его обоснованности. При существующем сегодня правовом регулировании предусмотренных гл. 40 и 40.1 УПК РФ институтов в силу их несогласованности с установками, во-первых, на то, что «признание обвиняемым своей вины в совершении преступления может быть положено в основу обвинения лишь при подтверждении его виновности *совокупностью* (выделено мной. – *Т.З.*) имеющихся по уголовному делу доказательств» (ч. 2 ст. 77 УПК РФ) и, во-вторых, на то, что «никакие доказательства не имеют заранее установленной силы» (ч. 2 ст. 17 УПК РФ), признание обвиняемым (подсудимым) своей вины есть лишь одно из доказательств по уголовному делу, свойством какого-то «преимущества» перед другими доказательствами оно не обладает.

Представляется, что именно допущенное законодателем несовершенство в уголовно-процессуальном регулировании институтов, установленных гл. 40 и 40.1 УПК РФ, явилось причиной нигилистического отношения к ним со стороны отдельных ученых[13]. Устранению такого отношения способствовало бы дополнение чч. 5 и 7 ст. 316 УПК РФ указанием на то, что речь в них идет именно о совокупности доказательств. Так, к примеру, первое предложение ч. 5 ст. 316 УПК РФ должно быть изложено следующим образом: «Судья не проводит в общем порядке исследование и оценку всей совокупности собранных по уголовному делу доказательств». Считаем, что соответствующее уточнение должно быть внесено и в п. 17 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2016 г. № 55 «О судебном приговоре». Такая же корректировка уголовно-процессуального закона и указанного акта будет более ярким свидетельством того, что постановляемые судебные приговоры и при установленном гл. 40 и 40.1 УПК РФ порядке судебного разбирательства соответствуют требованиям их законности и обоснованности.

Приговор суда первой инстанции, в котором содержится ответ на основной вопрос о виновности (невиновности) осужденного в инкриминированном преступлении на предмет его законности, обоснованности, справедливости, может быть пересмотрен в установленном гл. 43-45.1 и 47.1-49 УПК РФ порядке в судах апелляционной, кассационной и надзорной инстанциях. В силу того, что конкретными участниками судебного разбирательства под сомнение ставится вопрос о правильности ответа суда первой инстанции на вопрос о виновности (невиновности) осужденного (оправданного) в инкриминированном преступлении, судебное разбирательство в названных судебных инстанциях есть не что иное, как реализация уголовно-процессуальной функции осуществления правосудия по уголовным делам.

[13] См.: Кудрявцев В.Н. Стратегия борьбы с преступностью. М., 2003. С. 91; Петрухин И.Л. Теоретические основы реформы уголовного процесса. М., 2005. Ч. II. С. 105.

Изложенное позволяет констатировать следующее: во-первых, что основным (главным) вопросом уголовного судопроизводства является получение однозначного ответа на вопрос о виновности обвиняемого (подсудимого, осужденного) в инкриминированном преступлении; во-вторых, необходимость получения ответа на поставленный вопрос предполагает обязательное наличие сформулированного по уголовному делу обвинения в его материально-правовом содержании (фактическая фабула обвинения, его юридическая формулировка и правовая квалификация); в-третьих, законный, обоснованный и справедливый ответ на такой вопрос должен основываться только на достаточной совокупности исследованных на предварительном следствии или в судебном разбирательстве в судах первой, апелляционной, кассационной, надзорной инстанциях доказательствах.

Правильное обоснованное и своевременное разрешение основного вопроса уголовного дела о виновности обвиняемого (подсудимого) в инкриминированном преступлении требует наличия ряда условий объективного и субъективного свойства, в их числе те, что характеризуют:

а) качество уголовно-процессуального законодательства, которое сегодня во многом далеко от совершенства, свидетельством чего является, в частности, непрерывный поток вносимых в действующий УПК РФ изменений и дополнений.

Понятно, что большинство корректировок УПК РФ 2001 г. объясняется состоянием проводимой в современной России государственной политики, социально-экономическими проблемами социума. Этим, в частности, вполне объяснимы поиски эффективных уголовно-процессуальных производств, к числу которых относятся и проанализированные выше особые формы судебного разбирательства по уголовным делам, регламентированные гл. 40 и 40.1 УПК РФ, а также расширение сферы действия примирительных производств (ст. 25-28.1 УПК РФ). Нонсенс в уголовно-процессуальном регулировании видится уже в том, что, сформулировав в ст. 6 УПК РФ назначение в уголовном судопроизводстве, законодатель «забыл» о тех задачах, посредством которых правоприменители выполняют такое предназначение. Справедливой критике подвергаются и многие другие уголовно-процессуальные положения и институты.

Вопрос о необходимости создания нового качественного УПК РФ не сходит с повестки дня научно-практических форумов. При этом отдельными авторами обосновывается и свое видение структуры и содержания такого УПК РФ[14]. По нашему мнению, в своем структурном отношении УПК РФ должен включать в себя три части: общую, особенную части и часть, посвященную правовому регулированию вопросов, связанных с международным сотрудничеством в сфере уголовного судопроизводства.

С позиции органичной связи с разрешением вопроса об уголовной ответственности обвиняемого (подсудимого) за инкриминируемое ему преступление Общая часть УПК РФ должна включать в себя нормы о назначении и задачах уголовного судопроизводства, о принципах осуществления уголовно-процессуальной деятельности, система которых должна быть дополнена принципом всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств уголовного дела, о полномочиях участников уголовного судопроизводства, о регламентации всей процедуры уголовно-процессуального доказывания и применения мер уголовно-процессуального принуждения.

Особенная часть УПК должна содержать в себе нормы, регламентирующие существующую стадийную систему построения производства по уголовным делам с подразделением ее на досудебные и судебные стадии уголовного судопроизводства. При этом начальную стадию уголовного судопроизводства необходимо именовать «производство по возбуждению уголовного дела»; из раздела, посвященного правовому регулированию предварительного расследования, необходимо исключить «дознание в сокращенной форме» (гл. 32 УПК РФ).

Часть 3 УПК РФ, посвященную урегулированию порядка производства в судебных стадиях уголовного процесса, необходимо дополнить ст. 243 УПК РФ указанием на то, что председательствующий в судебном заседании судья должен направлять весь ход судебного разбирательства на установление объективной истины по рассматриваемому уголовному делу.

В силу того, что в соответствии со ст. 5 и 19 УК РФ к уголовной ответственности может быть привлечено только вменяемое лицо, в отношении которого установлена вина в совершении преступления, из УПК РФ надлежит исключить гл. 51, посвященную урегулированию производства о применении принудительных мер медицинского характера. Думается, что производство о применении таких мер должно регламентироваться отдельным федеральным законом.

[14] См.: Зинатуллин З.З. Какой должна стать структура УПК РФ? // Уголовное судопроизводство. 2010. № 2. С. 2-3; Гимазетдинов Д.Р., Зинатуллин З.З. Уголовно-процессуальная форма. М.: Юрлитинформ, 2014. С. 160-168.

Из ч. 4 УПК РФ, посвященной особому порядку уголовного судопроизводства, нужно исключить разд. XVII, закрепляющий особенности производства по уголовным делам в отношении отдельных категорий лиц, в силу его несогласуемости с закрепленной в ч. 1 ст. 19 Конституции Российской Федерации нормой о равенстве всех граждан перед законом и судом;

б) состояние правоприменительной деятельности надзорно-контрольных и правоохранительных органов государства, существующий уровень которой вызвал особую озабоченность Президента России В.В. Путина, призвавшего в своем выступлении на расширенном заседании коллегии Генеральной прокуратуры России 19 марта 2019 г. к необходимости решительного противостояния любым формам проявления произвола и правового нигилизма;

в) уровень профессионально-нравственной составляющей подготовки правоприменителей. С глубокой горечью воспринимается высказывание Генерального прокурора России Ю.Я. Чайки о том, что «для многих наших следователей сегодня уголовно-процессуальное законодательство, нормы материального права – это космос»[15]. Необходимо принять самые решительные меры к повышению качества профессиональной подготовки следователей, прокуроров, судей, чья деятельность напрямую связана с разрешением человеческих судеб. Считаем правильным ориентир на то, чтобы указанные государственные должности занимали лица, имеющие степень магистра права, кандидата и доктора юридических наук. Что касается нравственных составляющих правоприменителей, то надлежит сделать все возможное, чтобы заложенные в специальных Кодексах (Кодекс судейской этики, Кодекс этики прокурорского работника РФ и др.) нравственные нормы, стали неотъемлемой частью повседневной жизни их адресатов.

Объединяет все эти условия состояние правовой науки в целом, частью которой является и уголовно-процессуальная наука. Призвание последней состоит, в частности, в поиске, разработке и внедрении в практику уголовного судопроизводства наиболее совершенных оптимальных средств и способов обеспечения правильного разрешения основного вопроса уголовного дела об ответственности лица за инкриминированное преступление.

Поступила в редакцию 22.05.2019

Зинатуллин Тимур Зинурович, кандидат юридических наук, доцент
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1 (корп. 4)

T.Z. Zinatullin
THE BASIC ISSUE OF A CRIMINAL CASE: CONTENT, RESOLUTION

DOI: 10.35634/2412-9593-2019-29-4-495-500

Sharing the opinion of Academician V.N. Kudryavtsev and the famous criminologist Professor V.V. Luneev that crime is an inevitable product of society, which modern human society can only keep at a socially tolerable level, the author of the article proceeds from the fact that such retention requires the presence of certain socio-economic means. Based on the analysis of legal doctrine, criminal and criminal-procedural legislation and law enforcement practice, it is concluded that the essence of the resolution of a criminal case is only the accusation formulated in the case for its substantive content. Such permission is possible only in cases in which the investigation was carried out in the form of a preliminary investigation, as well as in the context of the implementation of the criminal procedure function of administering justice in the courts of first, appeal, cassation and supervisory instances.

Keywords: question, resolution, prosecution, investigation, trial, justice.

Received 22.05.2019

Zinatullin T.Z., Candidate of Law, Associate Professor
Udmurt State University
Universitetskaya st., 1/4, Izhevsk, Russia, 426034

[15] Чайка Ю.Я. Своими словами // Комсомольская правда. 2018. 1-8 марта.